

СЕРГЕЙ МОРЕЙНО

RIX

КНИГА ДЛЯ МУЖЧИНЫ

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
М79

*В тексте сохранены особенности
авторской орфографии и пунктуации.*

Морейно С.

М79 RIX : Книга для мужчины / Сергей Морейно. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 206 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-02982-9

Первая книга прозы на русском языке писателя и поэта Сергея Морейно (р. 1964), родившегося в Москве и тридцать лет живущего в Латвии. Это проза поэта, в которой дорожные впечатления, воспоминания о детстве и любимых женщинах, размышления о течении времени и смерти не выстраиваются в стройный сюжет, а подчиняются скорее логике сновидения.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02982-9

© Морейно С., 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

АНГЕЛЫ АТАШИЕНЕ

«Чувак» — это кастрированный баран.
(Источник неизвестен)

Листва бросалась под колеса, как самоубийца. Как лемминги в воду — они же бросаются, да? Я вспомнил позапрошлогдний ноябрь: дорога в нем шла перелесками, окружавшими сжатые поля, и через ее полотно метеоритным дождем перебегали мыши. Мне показалось, что ветер беззвучно гоняет листву: было тепло, сухо, мало снега. Ан нет, листья были живые. Это ощущалось по резкости их траекторий, по их сомнамбулическому упрямству — из канавы в канаву, от стерни к стерне (напоминаю: снега было немного).

Итак. Ноябрь, тринадцатое, пятница. Вновь зима не наступила, как говорится, неожиданно. Однако она подступала — и как раз с той стороны, куда я ехал. Я убегал от зимы, как если бы убегал от волны, плывя прямо на нее: страшит лишь первое прикосновение, потом мы разминемся, разойдемся, — думал я, — каждый по своим делам. От нечего делать я представлял себе свидание со стеной пламени — степным пожаром, к примеру, в духе куперовского Кожаного Чулка. Хотя, конечно, зима бы никогда не оставила за собой той выжженной территории, на которой оказываешься даже после мимолетных объятий с огнем. Того выморочного пространства любви... разве что преходящую белизну снежной пены.

«Алкоголь и дорога несовместимы». Я прочел это на выезде из города, метровыми буквами на щите, что свешивался к эстакаде, приподнятой над железнодорожными путями, с торца еще более приподнятого многоэтажного дома. Видимо, создатели

панно как-то по-своему понимали и алкоголь, и дорогу, не ведая: дорога является не процессом, а состоянием. И оно, состояние, сильнее всего ощутимо как раз на стоянках, а стоянки — в состоянии дороги — немыслимы без порции алкоголя. И лично для меня дорога и алкоголь неразделимы.

Я вспомнил, как в прошлом году заснул в своем доме после того, как полдня сгребал в саду палый лист, подбирал и складывал опавшие яблоки (нашел еще несколько слив (последних), сладких, как темная арианская *trauktinė*, и сразу съел). Стоял октябрь, середина. Проснулся среди белизны, струившейся сквозь деревянные жалюзи, среди разводов на окнах — внутри зимы, и первая мысль была: «Ноябрь! Вот отоспался-то!»

В машине пахло ванилью. Не многие любят ванильный запах в машине, особенно женщины. А у меня эта химия в ноздрах вызывает химическую реакцию на языке, и я прямо-таки чувствую вкус ванили. Люблю ваниль: сладкий творожный сыр, мороженое... Люблю корицу с гвоздикой, и мускат, и шафран — шафран в основном за имя, не отличая его от кориандра и кардамона. Надо сказать, ваниль я в глубине души приравниваю к алкоголю, льдистые искры в стакане молочного коктейля из «Макдоналдса» действуют на меня столь же успокаивающе или возбуждающе — зависит от обстоятельств.

Ванильный освежитель я нашел перед границей, на последней заправке. Те, что катаются на горных лыжах, не пользуются на горе словом «последний». «Спустимся еще один раз... Поднимемся еще один раз...» Конечно, это была еще одна бензоколонка из бесчисленного множества будущих бензоколонок (огни, огни, шуршанье стаканов, отраженья, ультрафиолет туалетов). Расплатившись, я увидел в окне, как автомобиль — медленно, но верно — переезжает какую-то девушку. Я выбежал наружу, но там только одна — другая — девушка, цела и невредима, отоваривала своего кентавра. Очевидно, тот автомобиль, когда я был внутри, проехал сквозь отражение той, первой, девушки, в тот миг оказавшейся у меня за спиной.

«Мужчины, как мы знаем, — назидательно подчеркивал друг моего друга, — аккуратно стряхивают из пистолета в бак последние капли, а женщины просто глядят ему в дырочку и со вздохом вешают на место». Вторая девушка так и сделала, друг моего друга почти всегда оказывается прав.

Однажды друг мой поведал мне по телефону, что купил вчера новые джинсы, у него новые ботинки и новая машина. И он на конференции, где полно мужской красоты. Но Натан болеет, и он совершенно не к месту озабочен — кто же сварит Натану манную кашу с финиками? Быть может, я хотя бы навещу его? «Как набросал тогда Пайо свой автопортрет — новые джинсы, новые ботинки, новая машина, манная каша с финиками, — думал я. — А у меня далеко не новая машина, старые джинсы и ботинки и картошка фри».

Сотни через две километров дорога ощутимым образом разветвлялась — с помощью выделенных полос, информационных щитов на переброшенных через путепровод опорных рамах, а также не вполне логичных, зато вполне уместных карманов — остановиться, перевести дух и осознать, что какой-то этап преодолен. Я решил сделать всё сразу: остановиться, перевести и осознать; кроме этого, съесть мандарин. Когда я отвел взгляд от очищенного мандарина, перед капотом стояла женщина. И с ней что-то явно было не так — если не всё. Когда А. А., не к ночи будь помянута, встречала такую за прилавком на рынке, то говорила: «Поосторожнее с ней! Заглянешь такой в глаза, а проснешься уже белочкой. Будешь потом семь лет соусы дегустировать...» Сначала мне даже почудилось, что их две. Но эта была там одна, правда, огромная. Она нависла над капотом, словно клуб дыма, не перебиваемого никаким дезодорантом. Не успел я моргнуть, как женщина шагнула к моему приоткрытому окошку: «Нам до горелого... До горелого... нам», — произнесла она безголосо. «Значит, их все-таки две?» — была моя последняя мысль; до поры до времени последняя, поскольку дернул с места я бессознательно, то есть неосмысленно, а то, что «горелое» — это *Горелое*, осознал через час, проехав большого указателя на Горелое.

Где-то в этих местах, на железном мосту через реку Синюю, Тетристиена Сияющая билась с царевичем гномов и забрала у него серебряный пояс, с которым люди могли спускаться за солью в землю на глубину тридцати саженей. В другой редакции это был бревенчатый мост через Ааву, который не так давно разобрали, хотя сложить новый никто так и не удосужился. В полуверсте от него, под горой, стоял и, надеюсь, до сих пор стоит на цоколе из колотого гранита дом моего деда. В нем мама, чтобы

я поскорее заснул, рассказывала мне тейку о Тетристиене: «Она шла, как говорили, по жизни с протянутой рукой. Беседа, она протягивала руку и брала собеседника за подбородок. Она была высока для женщины, но невысока для мужчины, рука же была сильна и удерживала в повиновении и мужчин, и женщин...»

Зато дед рассказывал в основном об исчезнувшей бабке. Старый дом на горе стоял. Была зима. Дед на санках повез бабку в гости. Везет, а полозья его по пяткам бьют. Он сел впереди бабки на санки. Летят вниз. Вдруг — полынья. Дед стал тормозить пятками. Санки перекувырнулись, бабка упала в воду да и утопла. Узнали о том сыновья. Посадили деда в бочку из-под пива и закатили в лес. Мимо волк шел, стал бочку обнюхивать. Дед высунул руку через дырочку в крышке и хватить волка за хвост. Тот — бежать, добежал до больших камней, бочка и разбилась: «Вот они, камни-то, я на них новый дом построил!»

За Горелым дорога сделалась извилистой. Поставленные на попа знаки Зорро перетекали один в другой, сопровождаемые цифрами семь и ноль или пять и ноль в красных кружочках. Передо мной шел караван фур, обогнуть который не представлялось возможным. Я видел перед собой хвост из трех-четырех грузовиков — мотающийся то справа, то слева от меня — смотря по тому, куда заворачивало шоссе. Я уже чувствовал себя причастным к марш-броску крупной, но не шибко быстрой змеи по средней руки долинам и взгорьям. Черт знает, как это произошло, не хочется переворачивать в памяти даже, слишком нелепо и одновременно жутко все было — — — — — скорее всего, усыпленный плавным переползанием от поворота к повороту, на одном из относительно прямых участков я отключился — — — — — а когда включился, передо мной в слабом свете задних фонарей последней фуры открылся вход в инферно. Поглощая лучи фар, черный сруб колодца непостижимым образом вставал с асфальта мне навстречу. Зачарованный неизбежностью, я не стал жать на тормоз (хотя перестал давить на газ), но ухнул напрямик в жерло: со скрежетом, поразившим меня тем, что его вполне можно было назвать легким, никак не отвечающим тяжести момента и ничем не напоминающим трубы Судного дня. Еще сильнее поразило меня то, что машина никуда не проваливается, а продолжает по инерции катиться — уже без дополнительного звукового сопровождения.

Пораженный, я торможу на обочине, включаю аварийку, после чего вылезая, достаю из багажника фонарик и желтый жилет. Натыкаюсь в нескольких метрах позади автомобиля на цельный круг грузовой покрышки с протектором и каркасом, лежащий ровно по центру дорожной полосы. Начинаю обследовать произведенные им разрушения. Разрушения оказываются на редкость щадящими: бампер, спойлер, решетка, дефлектор, бачок омывателя — в общем, пластик. Подробности вызова полиции опускаю, хождения вокруг машины в светоотражающем жилете и увенчавшихся скромным успехом попыток приторочить пластиковыми хомутами остатки бампера к кузову — тоже. Упомяну лишь, что распыленная под утро противогололедная дрянь забивала ветровое стекло: нужно было часто останавливаться, чтобы, открыв дверь, поливать его из пятилитровой канистры. Пошел снег, пришлось останавливаться еще чаще. Как следствие я утратил свойственную мне в некоторой мере физическую интуицию и попробовал, открыв окно, облить лобовое стекло на ходу, в результате чего залил себя и руль незамерзающей жидкостью. Когда я добрался до пункта назначения, меня никто не ждал.

Взяв у вахтера ключи, я загнал машину в самый темный угол подземного гаража, отнес наверх чемодан и вымыл лицо и руки. После участка дороги, на котором я, зациклившись на шрамах автомобиля, перестал замечать что-либо, кроме дорожного полотна, дорожных знаков и помех дальнейшему продвижению, возврат к окружающей среде поражал не меньше, чем въезд в адский колодец. Брусчатка, ажурные изгороди, высокий классицизм; статуи, готовые вот-вот зажечься фонари (некоторые уже зажглись); толпы девиц в университетской униформе — куртках-мешках, рваных джинсах и туристических ботинках. Зайти некуда, прежде всего — не с кем: заведения подворачиваются всё больше того сорта, куда ходят компанией или, на худой конец, вдвоем. Повсюду пахнет шоколадом, но уютные с виду кофейни забиты под завязку. В конце концов я вошел в первую попавшуюся дверь без названия, над которой светилась аккуратная вывеска в виде подковы. За дверью обнаружилась обувная лавка: дорогая, судя по интерьеру. В первом зале не было никого, даже продавца. Ведомый, как говорят, смутным инстинктом, я зашел в следующий. Продавцов как не было, так

и нет, зато посередине помещения экзотическим цветком вспыхивает женщина. То, что это женщина, я понимаю с порога — по ярко-желтой юбке под черным незастегнутым пальто. Она стоит на топчане, обитом вызывающе алой кожей, и изучает потолок. Лицо находится чуть выше линии моего взгляда. Отмечаю ряд деталей: короткие волнистые волосы, бархотка на голой шее. Очки. Перевожу взгляд на топчан, вижу болотного цвета сапог на шпильке-паутинке. Один — вторая нога мне не видна. Шпилька такая тонкая, что кажется — женщина встала на цыпочки. Шнурки метра в полтора длиной свисают словно усы клубники. Каблук опасно вонзился в топчан — вот-вот прорвет натянутую кожу. Не опуская головы, она циркулем отводит в сторону другую ногу и протягивает ко мне руки, как будто ждала именно меня и знает, что я пришел. Пробивается голос: «Не поставит ли господин меня на место?»

Высаживал сегодня салатную рассаду из ящичков. Распределял по грядкам. Кое-где тонюсенькие белые нити корешков обнажались, и выдышек страха прокалывал затылок: как хрупко жить! Он ведь и когда вырастет в куст, корешки такими же останутся. Ну а чеснок! Питание (и жизнь) здоровенной плюхи из зубцов величиной с фалангу большого пальца висит практически на волосках. А мы? А у нас?

Юродствую, однако. Ладно, я ж только учусь...

По чесноку.

Мне нравится копаться в Интернете. Иногда. Просто не позволяю себе делать это часто. Мое копание никакой не серфинг: цепляюсь попросту за случайную информацию, за какое-либо слово, отмеченное как ссылка — и вперед. Да что я? Так действуют многие, если не все. Механизм понятен.

Порой таким путем можно уйти очень далеко. Раз я зацепился за Винни-Пуха, за чрезвычайно смешной его перевод, сделанный неким В. П. Рудневым, в котором тигра звали Тиггером, а ослика — И-и. И так дошел до одной статьи Романа Якобсона (не то, чтобы я был сильно подкован в этой области, но Маяковского-то читал!), где обсуждался некий Пирс, «настолько великий, что ни в одном университете не нашлось для него места». Этот Пирс, по словам Якобсона, написал где-то, что «истинный символ — это символ, который имеет общее значение»